

Александр Неклесса

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

К Р И З И С
М И Р О В И Д Е Н И Я

Прыжок лягушки
Разбил звездное небо,
Брызги по коже

УДК 316.3
ББК 60.5
Н47

Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН
Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

Научное издание

Некlessа А.И.

Прыжок лягушки. Кризис мировидения // СИНЛА/ИНТЕЛРОС. 2013. № 1 (18) / Научный совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, 2013. – 44 с.

Исследование посвящено переменам в мировидении, трансформациям ментальности, генезису систем организации знания и образования, поиску эффективной методологии познания, действия, управления в ситуации неопределенности. Глобальный переворот, кризис будущего, тектоника антропологической революции создают условия, когда апофатическое мировосприятие, синергийный тип мышления могут стать основой нового поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для очередного витка цивилизационной динамики.

© 2013, Александр Неклесса

© 2013, ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук (ООН) РАН. Заведующий Лабораторией геозкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») ИАФ РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геозкономики Академии геополитических проблем.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета обороны РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/«Глобальная трансформация» (1984–1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), «Камелот» (2004), «София» (2004), ВВЦ-2/«Время-Вперед-Центр/Парк Россия» (2009), «Феникс-К» (2010), «Большая Волхонка» (2011). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Сорудководитель семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» (Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатория «Север–Юг», Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФ РАН). Вел еженедельную аналитическую программу «Будущее где-то рядом» («Финам FM»).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ имени М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Автор более 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития, стратегический анализ и планирование; геозэкономика, философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru

Полный текст доклада, представленного 5 декабря 2012 года на заседании семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатории «Север–Юг» и Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФ РАН (выездное заседание клуба «Красная площадь»).

Маршрут доклада – рассмотрение четырех узлов темы, асимметричное по уделяемому им времени и вниманию:

- в качестве диспозиции краткая констатация положения дел в актуальном социополитическом тексте с акцентом на универсальном характере трансформации;
- рассуждение об исторически сменявшихся формах сознания: координатах мировидения, являющихся в свою очередь естественной средой знания, различным образом определяемого, организуемого, транслируемого;
- описание одной развилки, некогда пройденной цивилизацией, с нераскрытым, но, по-видимому, именно сегодня востребованным потенциалом исторической альтернативы;
- некоторые соображения о трансформации методологии познания/действия и культуры управления объектами, субъектами, ситуациями за послевоенный период.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей социальные форматы, близка к завершению.

Города – деятельные организмы; заселив планету, они продолжают умножаться в числе, но расплываясь мегаполисами, обрастая фавелами, претерпевают разнообразные мутации, превращаясь в хабы, терминалы, закоулки многолюдного подвижного мегаполиса. Национальные государства утрачивают привычную актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глокализации, субсидиарности, деволюции, новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные интегрии – по-своему перемалывают состояния и границы прежних обществ.

Страны – это люди. Количество жителей Земли прирастало за прошлый век миллиардами. Эффективные коммуникации, транспорт, изоциренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия и результативность процедур. На трансграничной земле переселяются народы, творится смещение цивилизаций, ведется чреватый конфликтами диалог. Наряду с прежней политической феноменологией и поверх административной сетки возникает новый мир: динамичный, многомерный, энигматичный космос сообществ, выстраиваемый по экзотичным лекалам, характерные черты которых – примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность...

Прежний мир развоплощается, диверсифицируется, обитатели теряют статус, их функции пересекаются, подчас совмещаются, смешиваются, но при этом конкретизируются и персонализируются, утрачивая формат обезличенных учреждений. Социальные, политические, финансовые, знаниевые институты трансформируются в облачные комплексы, суммы взаимодействий, реализуемых все чаще неформальным образом, складывается полифоничная среда, формируется многоликое общество.

Что ждет человека и покидающую лоно прежнего бытия цивилизацию, как мыслить настоящее настоящее? Рефлекторно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный порядок, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?

Ориентация в нелинейных траекториях энергийного социокосмоса предполагает опознание его динамичных начал, создание гибких прописей на языке актуальной реальности, включая готовность к радикальным переменам и неожиданным обретениям/потерям.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Разнообразие мировоззренческих галактик предопределяет множественность координат практики: различным образом аранжируя лабиринты интеллектуальных пространств, они диктуют права и правила – гармоник, в соответствии с которыми создаются политические и экономические оболочки. Социокультурная гравитация, притягивая либо отторгая народы, концентрирует миростроительными идеалами – своеобразными аттракторами – протееобразные туманности, элементы телесности которых соприкасаются в схожих, но порою и в различных мирах.

Иначе говоря, культурная среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив осознанного и значимого присутствия в новой зоне, а проблема идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

* * *

Аурелио Печчеи, выразительный персонаж сошедшего со сцены, но сохраняющегося в живой памяти зона, как-то обмолвился: «Надо сделать так, чтобы максимум людей могли совершить резкий скачок в понимании действительности». И сам попытался совершить нечто в духе предложенного императива, инициировав Римский клуб – последнюю академию финального столетия. Было это, по сути, приглашением на казнь века сего, обозначенную вскоре как «предел роста», затем – «конец истории», но по ряду причин отсроченную на неопределенное время.

Перемены – синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожаи. Творчество – не слишком предсказуемая, но улавливающая помехи нить осциллографа. Наследуемое прошлое – истрепавшийся каталог проб и ошибок. Стандарты тактичного (тактического) поведения предписывают признание прав на занятые территории, закрепляя иллюзию единоверия в стилистике «чья область, того и вера». История, однако, не есть искусство чтения меню, ее добродетели подобно пифии воркуют на языке нематериальных обязательств, творимых ежеутрене и ежевечерне, в горе и радости, в дерзновении и суете.

Геополитические композиции рождаются, дряхлеют, порой деградируя в инвалидов. Формулы же, доказавшие жизнеспособность, кодифицируются в соответствии с весом и влиянием, будучи отмытыми от грязи, набело переписанными и увенчанными орденами в чертогах практики. Трансграничная сумма сообществ склонна конституировать организмы любой этиологии, сообразуясь с градусом успеха, оттесняя на обочину старый порядок, поменяв заодно по ходу матча правила игры.

Характерная для анналов и хроник территориальная экспансия, неременная фиксация результатов сменяются дисперсией инициативных пылинок, празднующих в стиле торнадо проницаемость административных границ. Обретаемый в облачных чертогах *magisterium* сродни цветению зари – сиянию искр, полыхнувших на кромке высотной границы: это огонь запечатанного Великого океана – субстанции, освобождающейся от предметных или иных ограничений.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Дорожная карта обрывается на краю карты географической. Прежнее общество оказалось исторгнутым из истории, а чтобы бытие имело смысл, на пунктирной траектории цивилизации обозначилась точка сингулярности, чреватая Большим социальным взрывом.

Обменяв личную судьбу на коллективную историю, люди уже многое знают, но далеко не всё научились понимать.

ЗНАНИЕ И СО-ЗНАНИЕ

*Долгое время мы не понимали
революции,
свидетелями которой являемся:
долгое время мы принимали
ее за событие.*

Мы заблуждались, это – эпоха.

Жозеф де Местр

Координаты практики, коллективное прочтение реальности – среда обитания знания, со-знание, его доминантная форма. В ней также обретается критический фермент: своего рода соглядатай, диверсант – тяга к обретению более полного или же иного бытия.

Миропознание и производимые трансформации – это не только стремление к выживанию, перемены по пути к свободе и совершенству, скорее «крутой маршрут» экзистенции, на этапах которого возникают прогрессирующие и регрессирующие формы сознания: рефлекторное, синхронистичное (аналоговое), диахронное (линейное), синергичное, эклектичное, деструктивное (антургеничное).

Мировидение опирается на процесс постижения/интерпретации жизни и образующиеся при этом формы, входящие в пространство коллективной коммуникации и памяти, эксплицируемые, фиксируемые в разного рода объектах, транслируемые тем или иным образом окружению и поколениям. Житейские скрепы соединяют мировидение с формулами домостроительства, то есть инициируют процесс, который называется историей.

Сегодня, конвертируя современность в транзит, мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожительствует с представляемым, сущее – с должным, возможное – с запретным. А траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и выбранной позиции. Подобное бытие на разломе предполагает иную модель рефлексии, нежели прежнее понимание ситуаций и методов практики.

Кризис мировидения – источник стремительно накапливающихся неурядиц. Когнитивная растерянность, умножение недостатков катафатической стилистики отчасти амортизируют-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ся усложнением методологического аппарата, переосмыслением контракта с экзистенцией, но все это – в предродовом буйстве прорывающихся контртезисов негативной диалектики.

Шанс на исход из сценарных тупиков, однако, не в сумме рефлексивных практик, верифицирующих регуляции сверхсложных, высокоадаптивных систем и рассчитывающих на обретение второго дыхания. И не в форсаже парадоксов/апорий как средств («ноозиаков»), пробуждающих ментальную витальность вплоть до семантической эйфории.

Кардинальное переосмысление исторической и антропологической сценографии, ее перепрочтение и постижение финала возможно лишь при непосредственном вовлечении самого естества деятельного субъекта. Речь, таким образом, заходит о ревизии предельных оснований: переменах в аксиоматике знания и действия.

Иначе говоря, о радикальной коррекции кодов сознания и смене ориентиров цивилизации.

ДИСКРЕТНЫЙ МИР

Наиболее архаичная форма сознания, которую можно отчасти реконструировать, изучая под определенным углом археологический материал либо патологические/предельные состояния психики, – это рефлекторное мышление.

Некоторое время назад в кинопрокате шел фильм «Memento». Популярным он не стал, в том числе потому что сложен для восприятия, ибо демонстрировал особую форму мышления: у героя серьезно повреждена память. Он владел общечеловеческими навыками, но текущие события помнил в течение краткого времени. Его существование было дискретным.

У архаичного человека был, по-видимому, сходный тип мышления. Оказываясь не в силах удерживать в мерцающем сознании пространственно-временную карту мира, он вынужденно прибегал к своеобразной автокоммуникации, пересылая себе же обретенные знания посредством знаков, зарубок, меток, оставляемых в окружающей среде и на собственном теле.

Деятельный символизм – род усложненной и отчужденной от создателя коммуникации – превращался в разветвленный, опрокинутый во внешнюю среду знаковый аппарат. Семиотика предшествовала семантике, представляя узорчатую канву «узелков на память» (см. соответствующую систему письма), сплетенных разными руками: искусную, искусственную стихию, переполнявшую мир. Совокупность собственных и чужих знаков, аккумулировавших знание, перепосылавшееся человеком самому себе, прочитывалась как обращения/сообщения иных сил. Сумма автопосланий смешивались с различного рода прозрениями, обрывками сновидений, их нарастающей интенсивно-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

стью, случайной асимметричной интегральностью (идиоматической молекулярностью), сложным символизмом, иными формами психической активности.

Рефлекторное сознание отражало/выражало экзистенциальное восприятие, сопровождаясь провалами памяти, дефицитом больших смыслов, то есть рефлексивным вакуумом, заполнявшимся фантазмами и характерной для подобного состояния ума загроможденной бессвязностью бытия. Все это свидетельствовало о полуживотном статусе человека – мы, наверное, расценили бы сейчас такое состояние как особый вид психической патологии.

На древнейших хтонических божествах видна роковая тень этого алогизма, хаоса, безумия. Не творческая личность, но именно разъятый хаос, родовые воды, океанические пучины прямо или косвенно признаются создателями мифов изначальной субстанцией, дном космогонии, первичным бульоном жизни.

Древнейшая память в большей степени осязательна, нежели зряча, проявляется в ощущении либо озарении, но не в рефлексии. Она скорее ритуальна, чем мифологична. Здесь источник многозначности знаков, примет, признаков, их полифоничной рациональности – подсознательно накапливаемой суммой однотипных, реплицирующихся столкновений с миром.

По мере удержания, увязывания обрывков пробуждений и ритуальной рефлексии дискретный символизм слипается, сплетается в многоцветный венчик сведенной воедино карты бытия.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ЖИЗНИ

Следующая генерация мышления и «упаковка» со-знания заметно устойчивее предыдущей. Она широко представлена в истории, проникает и в современность, но, кажется, недооценена в своей оригинальности и многообразии.

Особенно как специфическая рациональность – средство опознания и удержания целостной картины мира, механизм фиксации причинно-следственных связей, язык повседневной коммуникации, усеченно используемый/прочитываемый и в наши дни, получивший статус «художественного» либо «мифологического» мышления. Этот тип сознания определим как синхронное или аналоговое, а чтобы избежать упрощения и aberrаций, назовем его синхронистичным.

Появление подобной формы рефлексии означало преодоление дискретной рефлекторности мыслительного аппарата, обретение устойчивых связей с окружающей средой, то есть долгосрочное удержание целостной композиции.

Возможно, свою роль в организации сознания, привязке ситуаций/решений к месту и времени (формировании когни-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

тивных координат) сыграла относительная неизменность звездного неба («зодиак»¹), суточного и годового круга («календарь»), физиологических циклов. Кодификация обретаемой картографии проявляется в артефактах, инвариантом является мандала, а также ее ипостаси: знак, символ, ранголи, альпона, мудра, лабиринт. Достигнутая связность фрагментов обозначила шаг от ритуала к мифологии, затем возможность фиксации в символических и архитектурных комплексах, образных системах, сводах толкований полузабытого, мистифицированного опыта, отчасти опознаваемого как значимые перекрестки и семафоры жизни.

Исцеление от рефлекторности, прерывистости бытия одновременно порождало и страх катастрофы: утраты хрупкой целостности (обретенного исцеления), регрессии, возвращения хтонического кошмара. В этом подчас паническом чувстве видится источник избыточной ритуализации аспектов быта, детальной регламентации функций, запечатанности кастовых ковчегов. История культуры, археология сохранили множество манифестаций закрытого мышления: версий топографии не физического (географического), но метафизического ландшафта.

Подобное сознание обладало собственной геометрией жизни, заметно отличной от привычного хронотопа.

Становление замкнутого, цикличного мировидения происходило естественным образом: люди, дабы избежать возврата беспамятства и безумия, избавиться от призраков расколотого мира, подавляющего сознание потопа стихий, стремились всеми доступными средствами удержать связь времен, каталогизируя прошлое, ища скрепы существования в некой изначальной точке.

Человека той поры навязчиво привлекал к себе центр мироздания, лоно происхождения – источник бытия, древо жизни, гора спасения. При этом люди намеренно поворачивались спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и воспринимаемому как опасное пограничье – кромешная окраина, зыбкая периферия, ужас затмения. К примеру, в аккадском языке категория «прошлое» – *um pani* – дословно означает «дни лица/переда». Для человека того времени прошлое – это доминантный маршрут мысли, основное направление взора. От будущего же отворачивались, оно отвращало: аккадское «будущее» – *ahcratu* – образовано от корня *hr* со значением «быть позади», «замещать»².

Иначе говоря, будущее воспринималось как отвергаемая, маргинальная – кромешная – территория, основанием же бытия полагалось прошлое.

---

¹ В древнейшей – «вавилонской» – системе счета структура числового ряда не абстрактно умозрительна, а непосредственно связана с круговращением небесной сферы (прецессией).

² Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. М., 1983. С. 29. Удивительным образом этот обращенный в прошлое хронологический вектор по-своему присутствует и в современной системе летосчисления для древних (до Рождества Христова) времен.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

В зазеркалье все еще порывавшегося ускользнуть, но уже прочно удерживаемого прошлого отражалось спонтанно прозреваемое, по крупницам (отблескам, осколкам) выстраиваемое псевдобудущее – мифологический, эскапистский и героический пейзаж событий, изъятых из земного круговорота. Населяли пророческое и оргиастическое пространство сверхлюди: хранители прошлого – могучие прародители. В дневном же – внешнем – мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) давали события. Будущее воспринималось как несовершенное деяние, незавершенная субстанция, необработанный камень, нечто дикое, пугающее, варварское. Его заклинали и огораживали. Человек не стремился в эти призрачные, заполярные земли, несуществующие времена: его там ждали потери, увечье, смерть... Одно из характерных обозначений будущего на аккадском языке – «дни, что опаздывают».

Будущее мыслилось как пространство, неподконтрольное людям, полностью находящееся во власти иных, неведомых, однако значительных сил. Оно представлялось «далеким Западом», страной захода и угасания светил, являло не простор для действия, но сумерки бытия, его предел, последнюю границу, непересекаемый рубеж – бескрайний, поглощающий дерзость океан.

Быть может, здесь истоки странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывавшего тех, которым открывались гипотетические очертания смертного часа («чему быть, того не миновать»).

При этом карта времени подобно сакральной топографии была тщательно расчерчена и приписана к поименным хранителям: не только каждый сезон или день замкнутого, «круглого» календаря, но даже часы имели поручителей-стражей. Вне русла больших смыслов это подсобное хозяйство загромождало циклический хронотоп бытия, оставаясь бессодержательным, механистичным складом событий: неспешно перемалывая зерна жизни, исчисляя, регистрируя происходящее, оно в сущности не вело никуда³.

В рассеянной пассивности время определялось не новизной или предприятиями (проектами), а утомительной бесконечностью повседневности, множественностью реплицированных «дней сурка». Его символический образ, сохранившийся в привычной атрибутике вплоть до нынешних дней, определен замкнутостью круга: мера часов и минут – градус. Время обременяло человека и профанировало жизнь. Постоянно переписыва-

---

³ Один из возможных источников ретроспективной психологической/культурной аберрации – наш пристальный интерес именно к религиозным и нарративным текстам «седой» древности. Сталкиваясь по преимуществу с переводами и публикациями данных произведений, мы не замечаем их эксклюзивности в общей массе письменных свидетельств той поры, в ничтожном процентном соотношении документов первой группы к основному корпусу находок – хозяйственных регистраций, разнообразных регламентов, калькуляций, реестров дел и событий. Пропорция добытых на археологических площадках Месопотамии табличек из обеих групп впечатляет. Да и в самой первой группе первенствуют все же скорее магические рецепты, а не метафизические творения.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

емый каталог – инвентаризация бывшего и небывшего – являлся преградой, стеной на пути перемен, каменным небом горизонтальной экспансии. Времени, в сущности, не было, был срок⁴.

Генетика древнего хронотопа отчасти присутствует в сознании и сегодня, в чем-то совпадая с архитектурой сновидений, переходя из путаницы яркого и важного в композицию сложной (ложной) карты космоса как лабиринта. Удивительная пластичность топологии бытия (например, плавность соединения сакральной, мифической, и опытной, физической, версий географии) объяснялась единством, континуальностью «спящей» ментальности и «дневных» ситуаций. Жизнь была версией сна и наоборот.

Конструкция лабиринта, порожденная синкопами практики, вносимыми жизнью в плавный поток видений, имеет между тем существенное отличие от безвременья мандалы: разрыв кольца – намек на возможность исхода из преисподней («табакерки») некрополиса в попытке следовать за скрытым в клубке личин ликом или отраженным стенами, умноженным эхом голосом⁵. Совмещение сакральной географии с подвижностью человеческого естества, чреватого кризисами и прорывами, проявилось, к примеру, в архитектуре городов-доменов, их пространственной организации, символических и физических сложностях пересечения городской черты (вспомним проблему, возникшую у ахеян с проникновением в лабиринтообразную Троя) и параллельно с этим – в пристройке прагматичного, разноголосого *portus'a*⁶.

Но главная особенность синхронистичного сознания: его причинно-следственная логика была аналоговой, «горизонтальной». Весьма разные и на первый взгляд не имевшие ничего общего со-бытия были так или иначе – сейчас сказали бы «голографически» – связаны. И связь эта осознавалась подчас как нечто более важное, нежели само событие, воспринимавшееся отстраненно, как знак. Представлялось, что о переменах и грядущем надежнее судить по косвенным признакам – приметам либо аналогиям. Нам знакомо это состояние ума, мы называем его суеверием.

Страх перед возвращением в мир разрывов предопределил практику жертвоприношений силам, удерживавшим мир от распада (политика «малых бед»). Он же порождал специфичное отношение к новациям, любой версии расширенного производства, существенным изменениям наличных условий, интенсификации жизни, развитию *per se*, проявлениям инакости, чужим и «чуждым» системам ценностей. И соответственно – к новаторам,

---

⁴ «Слово *adanni*, которое иногда переводят как “время”, означает “срок” и в смысле какого-то периода времени, и в смысле момента в конце определенного периода». См.: Клочков И.С. Указ. соч. С. 15.

⁵ См.: Неклесса А.И. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное общество: картография постсовременного мира. М., 2002. С. 227–256.

⁶ Следы связи лабиринта с городом сохранились в европейской культуре: лабиринты здесь именовали «Троя» (Западная Европа), «Вавилон», «руины Иерусалима», «стены Иерихона» (Северная Европа) и т.п. См.: Стародубцева Л.В. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. С. 256.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

диссидентам, трикстерам, положение которых в обществе фактически было сродни статусу пре-ступников, то есть людей, переступающих некую запретную черту.

Основой благоденствия полагались стабильность и равновесие. Строительство грандиозных мегалитических сооружений, зиккуратов, пирамид, ирригационных комплексов, водохранилищ, зернохранилищ было действием, служившим – помимо побуждения к физическому воплощению сакрального конструкта – данной цели. В период «семи тучных коров» избыточная энергия аккумулировалась, ограничивая потенциал демографического либо социального взрыва. Наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», в наличие были средства для поддержания численности населения и одновременно для купирования социальных турбулентностей. Однако люди – существа, по своему естеству порождающие перемены, время от времени – радикальные. Человеческая природа плохо укладывается в прокрустово ложе.

В лоне истории, таким образом, сопричастствуют и состояются два социальных ритма:

- синусоидальный – сопряженный с перманентным воспроизводством баланса, поддержанием неизменности традиций;
- векторная динамика, усложненная нелинейностью, синкопами, фазовыми переходами – трансценденцией миропорядка, трансформацией норм и регуляций, – имеющая следствием взрывной рост населения, расширенное воспроизводство, разнообразные, неоднозначные воплощения творческой новизны.

СМУТНЫЙ ГОРИЗОНТ ИСТОРИИ

Следующая форма сознания – мышление диахронное, или линейное, «векторное» (стрела времени). Это – распутанная нить Ариадны, выводящая людей из сновидческих объятий мандалы, проводящая через многоугольные, спиралеобразные закоулки лабиринта. Метастазы идиосинкразии к будущему (прежняя аксиология времени) все же сохранялась в виде нисходящей траектории истории: от «золотого века» к «железному» и далее – к «гибели богов».

Данный тип мышления внятен и привычен, он – одна из основ цивилизации. С генезисом хронологического вектора связано также понятие «осевого времени» – некой поворотной точки истории, после которой происходят многочисленные, серьезные перемены. Начиная приблизительно с VIII века до н.э. в средиземноморской Ойкумене утверждается и развивается отличный от прежнего взгляд на мир – экзотерический и категориальный. Рождаются формы устойчивой рефлексии – философия и наука (натурфилософия). Речь идет прежде всего о совершившей ментальный прорыв Древней Греции. Люди дерзновенно и критически (хотя до поры как бы «искоса») взглянули на угнетавший фатум и, не отрицая неумолимость рока, противопоставили ему собственное деятельное промышление.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Продвижение от мифологического мышления к логическому, от целостного («драгоценной целостности») – к формализованному, аналитическому («расплетенному»), то есть рассеченному философским скальпелем, было реализовано в Элладе. От мифопоэтического восприятия и непосредственности суждений человек совершил транзит к опосредованному знанию и рациональности отложенных целей (перемен). Был преодолен критический перекресток – развилка версий мировидения – и сделан далекоидущий выбор: предпочтение отдано дороге, уводящей от мистериального откровения и апофатического осмысления как универсального источника закона. (Отринутый путь был пройден, однако в другой части Средиземноморья альтернативный историософский сдвиг и иной подвиг реализован другим народом – еврейским...)

Наряду с попыткой вскрыть анатомию рока эллинами отчуждались, инкапсулировались архаичные форматы собеседования с промыслом. Арбитром же и мерой вещи утверждался человек – земной очаг прометеева огня. София обреталась мастерством (если не ремеслом) внутреннего либо коллективного диалога представителей особой породы, способной к необычному способу жизни – *bios theoretikos*, – ставшему уделом дважды свободных людей. Философия, ее категориальный язык, ясная, внятная речь ущемляли дельфийскую многозначность, обезличивали, деперсонализировали звездный атлас, а рациональная мистичность числовых экзерсисов подавляла энигматичную магию календаря, отмыкала глухие двери скрипичным ключом и выводила из ментального лабиринта предписанный алогичным неумолимым фатумом круговорот событий.

Эпистемология становилась самостоятельной реальностью – топографией рассуждений, девальвирующей сакральность мандалической карты бытия.

Был создан когнитивный аппарат, обративший мир и его предметность в нечто иное: операциональное отражение – блестящий щит категорий и понятий, отделивший человека от гипнотического воздействия среды. Пространства рефлексии обрели картографию, которая в отличие от сакральной географии была практической аппликацией – инструментарием сборки ситуаций и проектирования замыслов (процесс сродни переходу от иероглифической формы письма к алфавитной). Осмысление бытия отстранялось от сновидений разума, где смешивались боги и люди, равноучаствовавшие в событиях. Через индивидуацию Одиссея и мучительные эксцессы релятивизма человечество переходило к формулированию законов – темперированных гармоник, октав взаимоотношений личности и рока. А затем – к космологическому деизму, рациональной онтологии, порождавшей «философию» как системную диверсифицированную рефлексию о мире и населяющих его людях.

НЕВЫРАЗИМАЯ СЛОЖНОСТЬ БЫТИЯ

Следующая формула сознания оказалась сложной для усвоения и освоения из-за антиномийной специфики. Это синергичное мышление.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Существует порог, некогда преодоленный человечеством, он связан с началом христианской эры – радикальной новацией по отношению к миру прежнему, традиционному, античному. Люди новой эпохи осознавали смену ситуаций, называя себя *moderni*, чтобы отличаться от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*⁷. Позднее понятие Модерна приобрело иные акценты, фиксировавшие отличие Нового времени от Средневековья, а в истории культуры получило дополнительный смысл.

Общество, возникшее на миростроительной площадке, называлось по-разному: христианская, европейская, современная цивилизация, или наша эра. Откуда же взялись поразительные творческие силы, позволившие за недолгий исторический срок преодолеть ограниченность прежней Ойкумены, скудные времена, радикально преобразовать стиль жизни и облик планеты? Разница в конечном счете заключалась в появлении личности, осознавшей себя образом и подобием Творца, творящего из ничего нечто. Личности, освобожденной от калейдоскопа дурной бесконечности и ярма предопределения. Личности, претендующей в пределе дерзновения стать по причастности к нетварным энергиям тем, чем Творец является по сущности. Степень страдания (порой отчаяния) обусловлена теперь не нарушением, искажением либо распадом порядка, но жаждой полноты бытия, взысканием абсолютного спасения, поиском пути для кардинальной надвременной перемены участи. Иными словами время обретает подвижный, разнонаправленный, персональный характер.

Христианская рациональность основана не на логике Аристотеля и предполагает отличный от античного маршрут постижения истины. Новое мышление, отточенное в ходе вселенских соборов, проявляется прежде всего в тринитарном богословии и христологии, развивается катафатическим и апофатическим богосознаниями, продуцирующими множество школ (включая еретические) и культурных течений – от *leys d'amors* (миннэ) Прованса до византийского исихазма. Специфика рефлексии – удержание в сознании, самом естестве антиномийной, пульсирующей природы миропорядка живого статуса знания и приложение обретенной комплексности к опознанию Промысла в недрах существования.

Прежние форматы, впрочем, уживаются с обновленной, но сложной для освоения и обладания ментальностью – житейски обременительной перманентной трансценденцией бытия. Стрела времени, то есть линейная ориентация хронотопа, сохраняется как социальная доминанта, однако энтузиазм новой веры меняет ее смысл – история из процесса деградации превра-

---

⁷ «Согласно Гарнаку, обобщившему верования этих ранних христиан, они были убеждены, что: “1) наш народ старше мира; 2) мир был сотворен ради нас; 3) жизнь мира была продолжена ради нас: мы отсрочили суд над миром; 4) всё в мире подвластно и должно служить нам; 5) нам открыто всё в мире: и начало, и течение, и конец всей истории, для наших глаз нет ничего сокрытого; 6) мы примем участие в суде над миром, а сами вкусим вечное блаженство”. Но главное убеждение ранних христиан состояло в том, что это новое общество, раса или народ были учреждены Иисусом Христом, который является его законодателем и Царем». См.: Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибур и Райнхольда Нибур. М., 1996. С. 48–49.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

щается в код спасения: ресурс для восстановления и восхождения личности, что со временем находит отражение в концепции прогресса. Осваивая новый образ реальности, сочетая соборные решения с феноменологией городской революции, комплексное сознание мутирует, порождая ритмы современности...

К сожалению, за границами рассуждения осталась не только синтетическая формула эклектичного мышления, сопряженная с рассеянной дискретностью «клипового сознания», но также сознание «антургийное», деструктивное, способное к беспредельному, неудержимому разрушению, обладающее историческим опытом⁸, культурной потенцией, собственным мировидением – образом антургии: квазицивилизации смерти, «пира из мяса богов». Данное мировосприятие, своего рода пессимистический энтузиазм, подобно тлеющему жару соприсутствуя «подлым слоем» в субстанции практики, может в минуту социальной растерянности произвести стремительную реконфигурацию человеческой вселенной, что означало бы крах истории и *déjà vu* примордиальной регрессии – бегство от непереносимости бытия в бешенство и беспамятство экзистенции⁹.

Взрастив, таким образом, зубы дракона, некогда посеянные в людском естестве предвкушением апокалиптического урожая.

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ ПОНИМАТЬ

*Не бывает потрясений в стилях
музыки без потрясения
важнейших политических законов.*

Платон

КОМПОЗИЦИЯ ЗНАНИЯ

Существуют различные способы организации знания. Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где было совершено промышление знания. Вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий: «руль», «рулевой» превратились в искусство управления – *κυβερνητική*, крепежная скоба мачты – в *ἀρμόνία* как эстетическую категорию и т.п.

В Элладе фактически присутствовали два «облака» знания – старое/традиционное и новое/философское. Внутренняя же организация зависела от объекта исследования: бытие/состояние – человечество/изменение – изделия/опыт.

---

⁸ См.: Неклесса А.И. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003. С. 53–97.

⁹ См.: Он же. Цивилизация СМЕРТИ // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 531–549.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

В «старом» знании первым доменом был религиозно-ориентированный круг рефлексии, то есть осмысление скреп и манифестаций божественной гармонии как сочетания беспредельности и предела, совмещение исчисляемого и неисчислимого: мифология (экспликация языка архетипов и вербализация ритуала), космос (соотношение имеющего границы и бездонного, развернутого, то есть истоки субстанции бытия), числовая мистика (универсальный порядок, разнообразие гармоник, музыка сфер), эстетика (пропорции, законы формы и красоты).

В «новой» системе это пространство теории (θεωρία) – исследование мира идей, принципов и самой субстанции бытия. Предметами же являлись метафизика («первая философия»), математика, физика, натурфилософия (естествознание), астрономия.

Второй регистр – размышления о природе рукотворных перемен, о человеческой участи и натуре, людских свойствах и устремлениях, действиях и следствиях, девиациях и ограничениях. В доклассической организации знания это смешение фроне́сиса (φρόνησις – житейская мудрость, обретаемая с возрастом и охватывающая при этом наследуемые традиции) и отчасти фю́сиса (φύσις – развивающееся естество, здесь – именно в аспекте антропологического развития). Иными словами знание ритмов жизни и ее ситуаций вкупе с внутренними откровениями, диагностическими ориентациями, категориями правильного и неправильного, добра и зла, этоса (ἦθος – регулятивные черты характера) и пайдеи (παιδεία – воспитание/образование). Предметные же области: литургика (ритуал, то есть невербальное знание и пути деятельной трансляции), драма (δρᾶμα – действие, исполнение), поэтика (ποίησις – творение) в ипостасях трагедии и комедии.

В новом знании это практика (πράξις) – исследование системы деятельностных взаимоотношений в человеческом общежитии, путей и способов обретения блага. Ее предметы – этика (ἠθικόν) и политика (πολιτική), включавшая экономику (οἰκονόμος) и хрематистику (χρηματιστική).

Наконец, третий ареал очерчивался фроне́сисом в аспекте сохранения и совершенствования умений. Это способы культивации мира, достижения результата, то есть все то, что представляет искусство преодоления природных обременений и разрешения коллизий. Данное «поле» умелого знания изначально сопрягалось с древнейшим своим изводом – чтимым земледелием, имевшим сакральные корни¹⁰.

---

¹⁰ Истоки земледелия – в сакральном действии: литургии плодов и даров, творимой ПАТРИАРХОМ при коллективной тризне. Иначе говоря, в погребальных обрядах – жертвоприношениях чтимым покойникам лучших, отборных плодов, обильно возвращаемых затем богатым урожаем элитных сортов (см. «священная роща»). Утрачивая образ жреца, связующего с миром предков, посредник обретает облик землепашца. И даже более того: возможно, здесь коренятся (по крайней мере, отчасти) истоки не только селекции сортов, растениеводства, но также обретения сходящегося на сакральное пастбище и приручаемого богатством урожая стада, то есть животноводства.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

По мере развития искусности здесь аранжируются обретенные от божественного огня умения свободных людей, творческие знания. Аккумулируются также практические навыки – происходит обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные. А еще педагогика (παιδαγωγική) – искусство элементарного возвращения человека, его воспитание.

Модификация данного ареала получила в новой структуре название технэ (τέχνη), или искусство как мастерство.

ИСКУШЕНИЕ ЗНАНИЕМ

Возможность размышлять о предметах и явлениях независимо от актуального состояния, рассуждать в условиях, когда доказательность имеет большее значение, нежели утверждение, произвела в умах революцию, навлекая на мыслящее сословие безумие тотального релятивизма, вызывая опьянение потенциами разума, оторванного от бытия, и порождая эвристическое бешенство софистики.

Это была иная дерзость, нежели «свойские» отношения между людьми и богами, характерные для персонажей Гомера. Антропологический субъективизм становился руслом и регламентом умственного действия. Его лозунг: «Влиять, а не определять», – намекает на будущие горизонты идеологии и политтехнологий. Выбор заключался в ответе на вопрос: «Что важнее – понять или утвердить?»

Скепсис Сократа противопоставил смиренную созерцательность умозрительному дерзновению. Мысль о том, что рациональное знание необходимо и возможно именно потому, что ум знает свою ограниченность, имела далекоидущие следствия. По сути, Сократ обосновал разработку инструментария познания (его протезов) и обустройство интеллектуальной инфраструктуры.

Следствием круговорота амбиций софистов и разочарований стоиков явилась экзистенциальная растерянность киников, распятых меж миром века сего и миром горним (Диоген). Тем временем произошло переосмысление разрыва, схизмы между немощью человека и полнотой реальности – былым свойским отношениям с божественной запредельностью положен конец: осваиваемый ареал бытия определен как контур, тень истинного положения вещей (Платон). Обретение же когнитивных инструментов, регламентов вело к формализации мировоззренческой конструкции и как следствие – к рационализации жизни в виде мироустроительного проекта (политики и стратегии). Обнаружение же истины (познание) становилось технологическим действием, целостным, соразмерным в своей внутренней структуре, но опосредованным (то есть не непосредственным) и суммарным в поступательной динамике рас-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

суждения. Венцом ментальной инженерии стало значимое непротиворечивое суждение: аргументированное, испытанное дискуссией, признанное конклавом и потому принимаемое как истина (Аристотель).

Истина, таким образом, постигалась через полноту знаний (гнозис, γνῶσις), понимаемую как синтез авторитетных суждений и выводов (эпистема, ἐπιστήμη), а сложность логически неодолимых препон – как комплексность, частично проясняемая по мере прохождения сквозь фильтры аксиом, препятствия теорем, ограничения таких волнорезов, как категории и отчасти как сверкающие мыслимыми гранями бриллианты апорий, которые можно разбить молотом, но нельзя процарапать ментальной субстанцией.

Результатом явилась оригинальная для своего времени целостность: умозрительная непротиворечивая эпистемология: «наука» зона как организованное логикой знание (правда, с пристройкой террариума неразрешимых парадоксов). В свою очередь подразделяемая на теорию (размышления о принципах мироустройства), практику (объект рефлексии – социальные явления) и технологию (осмысление опыта умений, искусность).

Соприкасаясь с миром природы и человеческих потребностей, мощь нового сознания рождала многочисленные производные от союза логики и эмпирики (в диапазоне между Эвклидом, Эратосфеном, Архимедом)¹¹.

---

¹¹ УТВЕРЖДЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ТО ЕСТЬ СОПРЯЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМОЙ МЫШЛЕНИЯ, ПРОИСХОДИТ НЕ В СТЕРИЛЬНОЙ ЗОНЕ ОДИНОКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, НО В НАПОЛНЕННОМ СТРАСТЯМИ ПРОСТРАНСТВЕ ПРАКТИКИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТИКИ И ПОЛИТИКИ ФОРМИРУЕТ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНСЕНСУС, УТВЕРЖДАЯ НОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПРОИЗВОДИТ ПРАВОВОЙ АППАРАТ, КОТОРЫЙ НОРМИРУЕТ СУММУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ, ПРЕВРАЩАЯ ЕЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ЧТО ВЫРАЖАЕТСЯ, В ЧАСТНОСТИ, В ЦЕНТРАЛЬНОМ НОМОКАНОНЕ – ПИСАНОЙ ИЛИ НЕПИСАНОЙ КОНСТИТУЦИИ. ОТСЮДА ПРОИСТЕКАЮТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ РЕАЛИЗУЕМЫЕ В ДОКТРИНАХ, КОНЦЕПЦИЯХ, СТРАТЕГИЯХ. ЗАНИМАЯСЬ ПРОБЛЕМАМИ ПРАКТИКИ, ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ С КУЛЬТУРНЫМИ ВЕРСИЯМИ, ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫМИ, А ПОРОЙ ПРЯМО-ТАКИ АЛОГИЧНЫМИ ДЛЯ ВНЕШНЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ, ЕСЛИ НЕ УЧИТЫВАТЬ ИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКУЮ ОСНОВУ. ПРИВЕДУ ПРИМЕР: ИСЛАМСКАЯ БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА, ГДЕ «В ЗОЛОТОМ ГОРОДЕ ПРИНЦИПЕ» ВООБЩЕ-ТО ЗАПРЕЩЕНО ВЗИМАНИЕ ПРОЦЕНТА (ЧТО САМО ПО СЕБЕ СТАВИТ БОЛЬШОЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК) И ДАЖЕ ВОЛЕЕ ТОГО – СУЩЕСТВУЕТ ПОНЯТИЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕНТА», ТО ЕСТЬ ОТЧИСЛЕНИЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ПРОЦЕНТОВ, КОТОРЫЕ НАПРАВЛЯЮТСЯ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. КРОМЕ ТОГО, ВКЛАДЫВАЯ ДЕНЬГИ В БАНК, ЧЕЛОВЕК ИНТЕРЕСУЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО РАЗМЕРОМ ПРИБЫЛИ, НО И ТЕМ, НА КАКИЕ ЦЕЛИ БУДУТ НАПРАВЛЕННЫ ДЕНЬГИ. К ПРИМЕРУ, ИХ НЕЛЬЗЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СПИРТНЫХ НАПИТКОВ ЛИВО НА ИНЫЕ НЕДОСТОЙНЫЕ С ДАННОЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ЦЕЛИ. ЭТО ИДЕАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ, КОТОРАЯ ИМЕЕТ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ФОРМАТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ. СУТЬ ЖЕ РАССУЖДЕНИЯ В ТОМ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ФОРМУЛЫ ПРАКТИКИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕСЯ УНИВЕРСАЛЬНЫМИ, ТАКОВЫМИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ, ДРУГИЕ ЖЕ, ПОРОЮ УЖЕ СПИСАННЫЕ БЫЛО В АРХИВ, МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ЧЕМ-ТО БОЛЬШИМ, НЕЖЕЛИ «ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОЙ ПРИЧУДОЙ». СЕГОДНЯ, К ПРИМЕРУ, В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ИМЕЕТ МЕСТО ПОДОБНАЯ СИТУАЦИЯ С ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ ЛЮДЕЙ.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

РОЖДЕНИЕ НАУКИ ОТ СЕМЕНИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДУХА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В Европе второго тысячелетия возникает организация знания, которая с некоторыми модификациями сохранилась до нашего времени. В нее заложен иной мировоззренческий подход: христианский взгляд на смысл бытия как явления, совершенное понимание которого оказывается за гранью человеческого разума, но процесс постижения остается в пределах возможного. Порядок вещей не умопостигаем сам по себе: он сопряжен с императивом опознания закономерностей мира посредством непредвзятого исследования творений (естества). А усвоение приоткрываемой иной логики – с неординарными усилиями по трансформации мышления (и собственного естества).

Умственное производство оказывается вновь востребованным возродившейся новоевропейской городской средой, однако уже как ремесло. Университетская культура и последующие индустриальные формы получения/трансляции знания, надеюсь, еще станут предметом обсуждения на заседаниях семинара. Сейчас же отмечу: на заре Нового времени в условиях проникновения в Европу аристотелизма (причем в авероистской трактовке) проблема знания как такового, его организации и «упаковки» приобретает острый характер. В конце XIII века в Парижском университете проходят две масштабные дискуссии, фактически имевшие следствием рождение науки в современном ее понимании. Действительной рефлексии Аристотеля о перводвигателе («движущей причине») и нисхождении следствий, определяемых в соответствии с законами логики, – то есть соблюдению принципа непротиворечивости как критерия истины – была противопоставлена иная позиция: испытание реальности в эксперименте.

Ход рассуждения был приблизительно следующим: ум всемогущего свободного Творца кардинально отличен от ума человека, превосходит логику и не всегда понятен (Книга Иова). Поэтому в отыскании истины нельзя исходить лишь из логически обоснованных установлений, сколь бы очевидными те не представлялись. Познавать же реальность можно, прибегая (помимо Откровения) к непосредственному испытанию творения, ибо, будучи созданным Творцом, оно в своем естестве содержит – и приоткрывает взыскующему – грани Его мудрости, отчасти замыслы, приближая к истине и развивая разум.

Исследуя природу и человека как созданные субстанции (содержащие печать, отзвук, образ мыслей и намерений Творца), мы просвещаемся не только представлениями несовершенного человеческого разума, быть может, обманывающегося. Критерием истины становится эксперимент, опытная проверка гипотезы, и тогда мы начинаем понимать закономерности, исходя не из голых умозаключений, порождаемых тем или иным типом сознания, но из опознания запечатленных в творении («объективизированных») мыслей и установлений, не всегда и необязательно совпадающих с человеческими предположениями о них.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Новая организация знания формируется и легитимизируется в Европе на основе данного постулата, то есть христианского взгляда на принципы опознания регламентов бытия. Знание уже не умозрительно (*speculatio*), но требует обязательной верификации предполагаемых закономерностей через непредвзятое исследование природы. Античная «наука» – натурфилософия – в своих основах была гипотетична, принципиально умозрительна, спекулятивна, техническое же знание оставалось искусством – реализацией секретов профессионального мастерства. Причем достигнутые однажды экспериментальные результаты могли и не учитываться в последующих умозаключениях (вспомним, к примеру, судьбу замечательных опытов Эратосфена).

Так формируется предметность новоевропейских естественных наук (*science*) как подтвержденного экспериментом логичного суждения, предполагающего обязательное опытное исследование объектов, существующих независимо от человека (проверка гипотез). Постулаты подобного подхода – контекстуальность науки (связь привносимого с познанным требует экспериментального доказательства либо столь же обоснованного опровержения), «бритва Оккама» (лапидарность обоснований), универсальная воспроизводимость опыта.

Гуманитарное знание (*scholarship*), включающее социальное и сферу математики (логических инструментов), – сумма дисциплин, исследующих дела людей, творения их ума, рук, сердец, постулирующих и развивающих саму семантику постижения. Такое знание является дисциплинированным (отвечающим определенным требованиям) рассуждением, сферой свободных искусств.

Конкурирующими институтами обретения знания (и развития личности) становятся университет, затем – академия.

* * *

Линейная «аристотелева» логика не была, однако, списана со счетов: проиграв богословский спор, она выиграла практику и подвела со временем цивилизацию к кризису.

В чем привлекательность аристотелизма? Главным образом в четкости и эффективности. Логика Аристотеля была внятна для сложившегося типа мышления, но что более важно – она удобна для прагматичного использования, не требуя удержания вроде бы избыточной в житейских вопросах сложности. Антиномийная же природа бытия расценивается скорее как экзотичный аспект, по-своему перспективный для исследования.

Упрощение мысли, упрощая жизнь, не упрощает реальность, но люди вольно или невольно склоняются к подобному ее прочтению. Соответствующим образом менялось направление научного поиска: от взыскания истины смещаясь к прагматичному использованию знания – производству эффективных механизмов, действенных решений. И в конце концов – к примату технологий над жаждой приобщения к истине. Иначе говоря, вместо обретения инструментария для богопознания произошли обожествление знания (*dum perfectum*) и одновременно его симплификация, позволявшие обустроить и заселять мир.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Напомню, Аристотель рассуждал следующим образом: истина логична, божественность действует ясным образом, собственно это и не Бог, а перводвигатель, передающий миру некий начальный импульс, мы же, моделируя шаг за шагом механику бытия, конструируем сложную, но непротиворечивую систему, постигая суть жизни и порядок вещей. Другими словами шаблонным отыскания истины с некоторыми оговорками оказывается часовой механизм, автомат, автоматон.

Приблизительно до рубежа XX века подобный подход демонстрировал эффективность, способствуя вкуче с постулатами Просвещения распространению рационализма, техницизма, индустриальной культуры. Затем произошло неожиданное: свойства природы, приоткрывшиеся в начале прошлого века (в особенности на уровне микромира¹²), существенно разошлись с кодами мышления – общепринятыми, впечатанными в психику представлениями о принципах и координатах мироздания.

Вскрылся ряд впечатляющих несоответствий между экспериментально установленными фактами и устоявшимися взглядами на природу пространства, времени, взаимосвязь субъекта и объекта. Человек обнаружил: его мыслительный аппарат, аподиктическая карта мира не вполне соответствуют реальности проживания, однако исследование реальности позволяет менять упрощенные представления, преобразовать сознание, совершенствовать ум. Сама новоевропейская наука, основанная на позиции обязательной экспериментальной проверки любых непротиворечивых построений, предъявила тому доказательства. И предоставила изоощренный инструментарий, одновременно предъявив запрос на усложнение мышления, способность удерживать антиномии и оперировать непростыми для современного человека композициями, все чаще увлекаемыми опытным путем из практики.

И если бы не было новоевропейского подхода к исследованию бытия, не было экспериментально верифицированной науки, основанной на принципах христианской теологии, то человек оставался бы в неведении относительно гораздо более сложной, нежели предполагал, но и более реальной картины мира. Люди продолжали бы конструировать непротиворечивые гипотезы на языке логики, простодушно полагая их за истину. И создавали бы, как теперь понимаем, примитивные – с позиций сегодняшнего дня – механизмы. Сложные же, основанные на вскрытой и отчасти познанной нелинейности мира, преобразующие сегодня человеческий и природный космос, оказались бы недоступными, ибо основания их нередко лежат за гранью привычной логики.

Кризис провоцировал и стимулировал дальнейшие размышления о новой рациональности, о радикально ином типе рефлексии, обновление методологии познания и действия. Вос-

---

¹² Кстати, теория относительности и квантовая механика и поныне полноценно не стыкуются, фактически это «разные физики», то есть до сих пор отсутствует единая физическая теория, и мы существуем в ментально парадоксальном мире.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

требуемыми оказались взгляды на природу знания, остававшиеся долгое время в стороне от столбовой дороги цивилизации. В том числе развивавшиеся апофатическим мышлением и синергичным сознанием.

* * *

Сегодня явно и неявно происходит реорганизация актуального знания на постулатах, отличных от классических формул его разграничения на научное, дисциплинарное, прикладное.

Черты эпистемологического транзита в конституции знания как института можно различить, к примеру, в концепции слияния науки и технологии в синтетическую форму технонауки. Переосмысление феномена европейской науки под маркой знания о технологиях фактически реализует паллиативную конструкцию, где на основе либерального подхода к теоретической верификации закономерностей, обретаемых порой по принципу «черного ящика», коррумпируется континуальность науки. Кроме того допускается неотчетливость, избыточность обоснований – избыточность, фактически нивелирующая «бриту Оккама». А при высокой эффективности результата (параметр, становящийся доминантным) «закрываются глаза» на высокую степень неустойчивости выявленных закономерностей, а подчас и на уникальность и спорадичность их проявления.

Можно также представить реконструкцию шаблона в виде тетраграммы, описывающей четыре ситуации:

- рациональное, отчуждаемое от создателя – формальное, дисциплинарное знание;
- рациональное, неотчуждаемое – экспертиза как персональное искусство;
- нерациональное, отчуждаемое – объекты художественного творчества;
- нерациональное и неотчуждаемое – мастерство, манифестацией которого является субъект сам по себе.

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ БЫТЬ

*Действовать – значит решиться
думать иначе, нежели думал прежде.*

Мишель Фуко

ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛИТЫ

Элиту можно понимать по-разному. Бернарду Меламуду принадлежит сентенция: «Когда нет героев, все мы – лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти».

Жизнь – это шанс. Аристократия, знать, нобили, *edelingen*, герои, лидеры, праведники – слова, деформированные скепсисом, стертые от плоского употребления. Они обозначают – в некоем

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

светском подобии «золотой легенды» – тех, которые в земном несовершенном естестве воплотили черты взыскуемого идеала: лучших, достойных, могучих, умелых, великодушных, одаренных личностей, придающих смысл повседневному бытию. Людей, расширяющих диапазон возможностей, повышающих эталон и мощь человеческих качеств, демонстрирующих оппозицию подлому состоянию. Людей, пребывающих в статусе само- и мирозидания, оплодотворяющих туманные дали, способных к немислимым свершениям, жертве, удержанию и преодолению зла, реализации сверхусилий и добродетелей, достигающих в том числе не всегда очевидные окружению, но впечатляющие потомков результаты.

Эти люди подобны искрам в ночи. «Это метеоры, сгорающие, чтобы осветить свой век». Те, которые извлекают из повседневности музыку сфер, поддерживают человечность, дают надежду современникам, пестуют слабеющий дух поколений. Те, в чьей жизни мелькнул гений и ощутимо усилие по извлечению сущности из прагматики. В чем-то они сродни образу барона, за волосы тянущего и вырывающего себя из болота.

В мире, искажаемом мерзостями быта, коварством и немощью людской природы, некоторым даны во владение дух, интеллект, сила, состоятельность, талант, динамичная несуетливая структура личности, особая ритмика жизни. Им свойственны стремление заглянуть и шагнуть за горизонт, тяга к познанию и самопознанию, способность к умному действию, искусство трансформации – шанс, пережив трансмутацию, реализовать преобразование.

Субъект существует (является таковым) посредством объекта, то есть в творческом акте и ради результата со-бытия – сути жизни. Талант есть дар свободы: невечерний свет, нечаянная радость, благодать. Но если он не используется либо используется уродливо, то утрачивается. У разных даров свои маршруты. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер – сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои способны преодолевать препоны земных ограничений, усмирять суггестию деспотизма, даже отстранив стражей аутопоззиса, пренебрегая инстинктом самосохранения. Порою жизнь венчает явное либо скрытое мученичество, одиночество на пиру, но обретаются путеводные звезды.

Весьма различны понимание и цена печати/клейма избранности в несхожие меж собой зоны.

Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность в глубинах изгойного естества, а на поверхности – катавасия: прихотливый смех обыденности над ней, то ли – горький – над собой («над кем...»).

С точки зрения мироустроительного действия того времени (праксис) и знания как житейского опыта (фронесис) выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению дерзостью. Сейчас мы назвали бы это амбицией, эллины же определяли как гибрис (ὑβρις). Что вело к сужению кругозора – ата (ἀτή), совершению трагической, фатальной ошибки – гамартия (ἁμαρτία), отсроченному, но неиз-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

бежному моменту истины – анагноризис (*ἀναγνώρισις*). С осознанием вскрывшейся истинной ситуации и своего реального положения – осознанием, сопровождающимся внезапно обрушивающимися переменами – перипетией (*περιπέτεια*, то есть «превращение действий в их противоположность»). Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий – ананке (*ἀνάγκη*), приводящих в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к катастрофе (*καταστροφή*): персональному возмездию и угрозе общего распада – немесис (*νέμεσις*). В неотвратимости данной механики проявлялся тяготивший над человечеством фатум.

Здесь дистанция от казни новаторов к скепсису относительно судьбы героя, добровольному мученичеству, гуманистическим идеалам, обретению суверенитета и пафосу личности, индивидуации и далее – к меритократическим сюжетам постсовременности.

ПАЙДЕЙЯ

Центральная категория в мире образования – пайдейя (*παιδεία*) – появляется в древнегреческой философии (сначала в софистике) не позднее V века до н.э., определяя влияние на природу человека, развитие души и устремленность деяний.

Лексема «образование» обладает двойным звучанием. Это воплощение образа (см. «икона», «идеал», то есть цель), и это – творение (см. «лепка человека из праха», то есть процесс). Результат достигался культивацией и гармонизацией внешних и внутренних качеств – что определялось как калокагатия (*καλοκαγαθία*), ведущая к обретению превосходных степеней достоинства – арете (*ἀρετή*) или аристос (*ἀριστεύς*).

У Платона пайдейя онтологична: она – смысл жизни, путь к бессмертию. Душа посредством пайдейи способна обрести аподиктическое знание и удержать в вечности эссенцию бытия. Ее облагораживающее действие имеет, кроме того, политическую компоненту, ибо, трансформируя стражей и правителей, предопределяет состояние государственного устройства. Это напоминает связь правильного поведения индивида (этики) с гармоничным обустройством групповых взаимоотношений (политики) у Аристотеля, но есть существенное различие: Стагирит рассматривает образование/воспитание не как элитарное действие, но средство преобразования толпы в сообщество. Основу благосостояния государства он видит не только в арете правителей, их моральном, интеллектуальном гегемонизме, но и в культурном статусе населения, что превращает пайдейю в социальный императив.

Развитие сюжета – сближение мудрости с благодатью в эллинизированном иудействе и христианстве. (Отголосок сюжета – в современном запросе на наличие у политика «харизмы».)

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид. «Многознание уму не научает» (Гераклит). Но «образовавшийся», нашедший и прошедший пайдею – изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный. (См. рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера про крестный путь Одиссея со странным «веслом» на спине.) Образование/воспитание предполагало обладание тремя свойствами-умениями – «хорошо мыслить», «хорошо говорить», «хорошо действовать» (Демокрит). Древнегреческая система в перфекте формирует не профессионала, а личность. Для свободного человека главной целью мыслилось не освоение инструментария для карьеры, но полноценное развитие, то есть именно «лепка» себя – самосозидание.

Вспомним (правда, несколько иначе акцентированную) историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов – трансмутации Галатеи. И заодно сравним с воспитательными созвучиями в историях Пиноккио и Буратино при выразительном различии судеб: один становится человеком, другой обретает предприятие и богатство.

ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Система обучения изначально была разделена на две ветви, сохранявшиеся долгое время в виде «ремесленного» и «гимназического» типов образования. Это обучение той или иной профессии (ремеслу), чаще в рамках родовой или кланово-корпоративной структуры, и стоявшее несколько особняком универсальное (гуманитарное) образование.

В Древнем мире структура гуманитарного образования была «профессионально», то есть религиозно, ориентирована и носила в целом (нечетко) трехступенчатый характер. Училище писцов – эдуббы («дома табличек») и т.п. – в сущности, ремесленное образование, но широкого профиля, характер которого постепенно усложнялся. Жреческая (кланово-родовая) подготовка – эзотерическое (индивидуальное) обучение. Последняя в Древней Греции из системы подготовки мистагогов (руководителей мистерий, о которых известно слишком мало) трансформировалась также в эзотерическую, но переходную по своему характеру школу Пифагора, о которой известно заметно больше.

Более светский – точнее, более открытый – характер был у философских школ и «мастер-классов» того времени, эзотерический образец которых – полигистор («всезнайка») Гиппий. Гуманитарный (умозрительный, философский) тип образования имел дисциплинарный характер, включая однотипный набор предметов: соединение пифагорейской («молчаливой») модели (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) с искусством диалога-дискуссии софистов (грамматика, диалектика, риторика), что породило классическую семирицу образователь-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ной энциклопедией (ἐγκύκλιος παιδεία – «полный круг обучения», «энциклопедия»). Древние греки также различали, страшифицировали интеллектуальные занятия и профессиональные умения, связанные с физическим трудом (выделяя при этом в особые категории труд земледельца, спортивные доблести и воинские искусства), то есть статусно разделяли созерцательную/деятельную мудрость и механическое ремесло (мастерство).

Принципы древнегреческой образовательной системы влияли на характер и форму образования в последующие века и тысячелетия, хотя мусическое и гимнасическое образование Афин, конечно же, заметно отличалось от военного воспитания Спарты (но военное обучение присутствовало и в афинском обществе – в формате эфебей, особенно в ранний период).

В целом афинская схема организации общего (гуманитарного) образования в развитой форме эллинистического периода была примерно таковой:

- начальная («элементарная») школа: чтение, письмо, счет и обязательно – физические занятия;
- грамматическая («вторая» или «средняя») школа: чтение книг, имея в виду понимание, усвоение содержания;
- наконец, «высшая» – философская/риторская – школа обеспечивала гармонизацию знания и личности: публичное рассуждение (риторика, политика), философия, медицина.

По образцу школы в Афинах, расположенной у Акрополя, заведение, дающее философское образование, в течение столетий именовалось атеней или афинею (ἄθηναιον – афинею, афинеум, атенеум). Каждая из школ имела особенности, основывалась и возглавлялась яркой личностью.

Наиболее известна Академия Платона (Ἀκαδημία), располагавшаяся в садах героя Академа, основанная в начале IV века до н.э. и просуществовавшая как институализированное сообщество с видоизменениями (выделяют пять философских школ) и коллизиями (вплоть до временного переезда в Рим) до начала VI века н.э. То есть едва ли не тысячелетие – более девяти веков. Основным методом обучения был диалог (диалектика): искусство правильно дискутировать – вести разговор посредством рассуждения, имея целью не тезис, а тему. Предметы преподавались в основном те же, что в иных версиях высшего гуманитарного (философского) образования: математика, астрономия, физика (натура, естествознание) и т.п.

В ряду прославленных школ – Лицей, основанный Аристотелем в зените славы (335 г. до н.э.), со знаменитыми прогуливающимися «перипатетиками» («Λύκειοι Περιπατητικοί»), расположенный недалеко от Афин возле храма Аполлона Ликейского, где учил Сократ.

Афинские античные школы во главе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени – были высланы императором Юстинианом в 529 году за пределы империи. Они перемещаются на восток в сасанидскую Персию Хосрова I Ануширвана,

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

обретая пристанище в расположенном восточнее Суз Гондишапуре, который наряду с Александрией, Эдессой, Багдадом, Нисбисом, Мосулом, Звартноцем являлся одним из ведущих «наукоградов» тех дней. Обосновавшись в конце концов в византийской части Месопотамии – приграничном Харране (центре сабеизма), – реплики Академии просуществовали еще несколько столетий, до конца XI века являясь одним из основных источников распространения античных знаний, поспособствовав, в частности, развитию исламских «университетов». (Старейший из действующих основан в конце IX века в городе Фес в нынешнем Марокко.) Преподавали в них богословие, грамматику, риторику, логику, математику, астрономию, музыку, а также химию, медицину, историю, географию.

Переписываемые, редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую мысль. Затем это интеллектуальное наследство, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма¹³), различными путями возвращается в христианскую Ойкумену и, в свою очередь, интенсивно воздействует на теологические дискуссии, философские диспуты средневековой Европы.

В эллинистическом мире существовали и другие центры, концентрировавшие, развивавшие, транслировавшие умственную деятельность, создававшие собственные образовательные системы, восходившие, однако, к прежнему образцу. Ведущей интеллектуальной корпорацией являлась Александрия с ее обширной библиотекой и музеем. Правда, с течением времени изменился смысл данных институций: библиотека (βιβλιοθήκη) представляла не просто грандиозное собрание трудов, но обширный цех писцов-переписчиков, то есть предприятие по репликации текстов, обеспечивавшее рукописями практически все пространство античного мира, а музей (μουσείον, μουσεῖον) – дом Муз – был образовательным учреждением, подобно Академии и Лицею имевшим покровителей, давших ему название.

Римское образование было организовано в древнегреческом стиле и имело преимущественно частный характер. В его основе лежало изучение девяти дисциплин: грамматики, диалектики, риторики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии, медицины, архитектуры. В систему обучения входили также изучение права, философии и физическая подготовка. Император Адриан в 135 году основывает первое государственное образовательное учреждение – римский Атеней (*Athenaeum – ludus ingenuarum artium*, позднее его называли *Schola Romana*), – который просуществовал до V века.

Честь обоснования и систематизации европейского высшего образования по традиции отдается Марциону Капелле,

---

¹³ ТАК СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ПРОЧИТЫВАЕТ АРИСТОТЕЛЯ В ТОЛКОВАНИИ ИБН РУШДА В ЛАТИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ЕВРЕЙСКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ КОММЕНТАРИЯ К АРАВСКОМУ ТЕКСТУ – ПЕРЕВОДЕ, ОСНОВАННОМ НА СИРИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ С ГРЕЧЕСКОГО.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

жившему в V веке в Карфагене. В трактате «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), то есть союз телесного воплощения знания и божественного разума (см. «прометеев огонь»), Капелла очертил два образовательных комплекса – ступени, ставшие каноном европейского университетского образования. Первая, тривий («перекресток трех дорог»), включала грамматику (совершенствование языка), диалектику (совершенствование мышления), риторику (совершенствование речи, коммуникации). На второй ступени – квадривии («перекрестке четырех дорог») – изучались геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

В 425 году римский Атеней обосновывается в Константинополе. Там изучают философию, право, ботанику, медицину. В 848 году его статус повышается: при Михаиле III (современнике «каролингского возрождения») Пандидактерион перемещается в Магнаврский дворец и получает известность как Магнаврская школа. Впоследствии, следуя европейской традиции, ее порой называют «Константинопольским университетом».

NOBLESSE DE ROBE

Новая ситуация, возникавшая во втором тысячелетии в Европе и определявшая облик цивилизации вплоть до наших дней (современность, *Modernity*), в значительной мере связана с распространением городской культуры. В этой среде был иначе сформулирован запрос на знания, что породило, в частности, такой институт, как университетское образование.

В средневековой Европе и ранее возникали различного рода сообщества, регулировавшие социальные и профессиональные отношения: от клятвенных союзов, фемических судов, коллегий орденов до производственных объединений – цехов (со своей системой обучения механическим искусствам: ученик, подмастерье, мастер), корпораций, обладавших привилегиями. Система образования – освоение и трансляция знаний – в период «Темных веков» сохранялась в асимметричном комплексе, включавшем монастырскую школу, орденскую коллегию, светский *Studium Generale*. Предпринимались и попытки возродить центры высшего образования, подобные знаменитым образцам Античности. На рубеже VIII–IX веков Карл Великий, принявший римский императорский титул, основывает собственную «дворцовую академию» во главе с прославленным Алкуином. Период культурного созидания (при участии таких лидеров ученого мира своего времени, как Эйнгард, Ангельберт, Рабан Мавр, Седулий Скот и отец средневековой философии – Иоанн Скот Эриугена) продолжался также некоторое время после смерти Шарлеманя и порой определяется как «каролингское возрождение».

Европейские же университеты (*universitas* – совокупность землячеств) – социогены Нового времени, автономная социализация знания. Университетским корпорациям, обладавшим

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии) принадлежит особая роль в процессе гражданского обустройства и переустройства Европы. География продвижения университетской культуры аналогична траектории распространения самой городской культуры нового типа: от «Италии» к «Франции», «Англии»...

Университет формируется на основе дисциплинарного изучения свободных искусств¹⁴, отличных от ремесленного мастерства, – искусств механических: разница тут примерно такая же, как между «вольным (свободным) каменщиком» и просто каменщиком как профессией. А также на базе медицинских, юридических школ, систем теологического образования (схоластики). Тривиальное образование вкупе с более изощренными знаниями квадривия (то есть суммарное изучение семи свободных искусств) давало звание магистра, окончившие же одну из трех докторантур – юридическую, медицинскую или теологическую – получали звание доктора.

Формирование европейской высшей образовательной системы приходится в основном на XII–XIV века, предворяя Ренессанс и Реформацию. Так на основе корпорации врачей, сложившейся в IX веке в Салерно и занимавшейся не только лечением, но и обучением врачебному искусству, в XI–XIII веках формируется полноценная медицинская школа. А на основе образовавшейся в X–XI веках юридической школы возникает старейшина европейских университетов – Болонский, получивший в 1158 году от Фридриха I Барбароссы свои привилегии, то есть став университетской корпорацией. Причем корпорацией особой – студенческой. Это была не ассоциация профессоров (*universitas magistrorum*), а союз студентов (*universitas scholarium*), причем пост ректора мог занимать лишь школяр, преподаватели же (*doctores legentes*) выбирались студентами на определенное время и получали гонорар по договору. В то же время профессура освобождалась от налогов и военных повинностей, а имевшие звание *dominus* (то есть не просто магистры свободных искусств или простые доктора) получали права граждан города и входили в сословие рыцарей.

Древнейшими университетами, помимо Болонского, считаются фактически образованные в XII веке Оксфорд, Парижский университет (Сорбонна) и Саламанка. К славной когорте XIII века принадлежат университеты Кембриджа, Монпелье, Па-

---

¹⁴ *Facultas atrium: artes liberalis, liberalia studia, artes doctrinae, artes ingenuae, artes bonae* (то есть свободные, истинные, изящные, дисциплинированные, благие искусства).

¹⁵ На территориях Речи Посполитой, относящихся к Великому княжеству Литовскому, в XVI веке основывается Острожская славяно-греко-римская школа (1576). А в начале следующего – XVII – столетия – Киево-братская школа (1615), преобразованная в Киево-Могилянскую коллегию (1631–1701), затем, уже в составе Российской империи, ставшую Киево-Могилянской академией (1701–1817). В России первое высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия – было основано в 1686 году, а в XVIII веке возникают Академический университет в Санкт-Петербурге (1724) и Московский университет (1755).

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

дуи, Неаполя, Тулузы, Коимбры, Мадрида. В XIV веке университеты появляются в Риме, Авиньоне, Орлеане, Перудже, Флоренции, Гренобле, Пизе, Праге, Павии, Кракове, Вене, Гейдельберге, Кельне, Будапеште, Эрфурте. В XV веке – в Турине, Лейпциге, Ростоке, Базеле и других местах¹⁵.

Но в XV веке в социокультурной среде развиваются процессы, повлиявшие не только на траекторию университетской культуры (на полях отмечу лишь появление книгопечатания), но и на весь строй европейской жизни.

НОМО VIRTUOSO

Европа пережила столкновение античного и христианского мировидений, прочие цивилизационные, политические, культурные неурядицы, споры по поводу путей богопознания, конкуренцию стратегий миростроительства. И, как правило, очередным развилкам истории предшествовало обострение суммы конфликтов, разногласия диспутов, разброд элит.

Один из подобных перекрестков можно обнаружить в середине второго тысячелетия. Интенсивное развитие городской среды, кризис прежних иерархий, масштаб географических открытий, новые форматы экономики, иной контур политических объединений, пролагавших путь к национальному государству (и феномену идеологий – национализму, либерализму, социализму), обилие технических нововведений, трансформация культуры, книгопечатание, смена самоощущения обитателей *Universum Christianum* вплоть до реставрации характерного для первых веков выражения *homo moderni* – все это приходится на период, получивший определение Ренессанса. А после турбулентностей Реформации наступила современность, или Новое время.

Университетская культура также переживает кризис. Переосмысляются иерархия и номенклатура знания, происходит переворот в понимании целей образования, отход от схоластики, возвышение гуманитарного знания (*studia humanitatis*), генерируется свободное испытание, осмысление природы, зарождается феномен, получивший определение гуманизма.

Гуманисты (ораторы, риторы) – социальная генерация, которая по-своему ответила на вызов влиятельной плеяды интеллектуалов, тесно связанной с Церковью (профессура – одновременно клирики) и обремененной путами деловой, официальной (муниципальной, государственной) практики. Разросшаяся университетская корпорация выражала и поддерживала интересы членов, однако, с точки зрения гуманиста, сковывала становление личности и ограничивала ее горизонт.

Гуманизм – это вселенская образованность как квинт-эссенция человека. Смысл жизни видится не в формальном статусе, но в развитии способностей, преобразовании себя в гар-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

моничный шедевр, «эстетически законченную форму». То есть в созидании и предъявлении Богу *homo virtuoso* (наподобие предъявления мастерам шедевра в цеховой корпорации профессуре предъявлялась диссертация в корпорации университетской). Христианская музыка сфер (мировая гармония) обретает громкое звучание. Она не только дарит возможность разомкнуть роковые кольца фатума, обратившись к колесу фортуны, но указывает путь, ведущий к освобождению от капризов последней. Добродетель побеждает и преображает фортуны, открывая наряду с потенциями свободной воли неясно звучащий в сбивчивых ритмах быта и бытия замысел Провидения.

Земной путь проходит по лезвию бритвы, трагизм реальности бывает скрыт иллюзией торжества в финале. Вспомним, и на этот раз с бóльшим пониманием, драматизм разночтения, казалось бы, схожих судеб (а также подспудно прописанных кодов практики): различие апофеоза Пиноккио и Буратино – изживание неотесанности, превращение в человека и сладость мести вкупе с обретением земного богатства¹⁶.

Гуманисты ставили себя выше семи искусств как ремесла, обучения как профессии, предпочитая образование, то есть постижение того, что отражает целостность человеческого духа, иначе говоря, проблемы этические и эстетические¹⁷. Их стихия – свободное рассуждение, а не ригористичная схоластика, *otium* (досуг, спокойствие), а не *negotium* (дело, беспокойство, коммерция) или *ufficio* (канцелярия). Понятие «рыцарства мантии» переосмысливается, ибо для истинного знания нужна отвага. Самореализация в понимании гуманиста – христианский долг, подвиг, доблесть. Это иное и новое прочтение мира светских духовных практик.

Разум – дар, отличающий человека от животного и ведущий к богоподобию. Знание освобождает и облагораживает. Чтобы знать, надо понимать, но чтобы понимать, надо быть. Знание само по себе сила. Оно не просто симптом учености, но творчески освоенное, преображенное в филологию – признак воспитания, развития души, своего рода проводник, вожатый к святости (см. роль Вергилия у Данте). Стадии духовного маршрута – классическое, то есть гуманитарное, образование (*study of humanities*) и последовательное обретение качеств: воспитанности (светской дисциплинированности), приветливости, доброжелательности, кротости, пронизательности, человечности, видения сути людей, вещей и порядков (*civil, soft, gentle, wise*). Это утешение и воодушевление себя и других, иная историческая

---

¹⁶ И даже более того: обретение отмеченной знаком молнии сокровищницы в некотором смысле «подземной» и «театрализованной», имеющей облик, но лишённой сути («иллюзорной», «прелестной» – «рая для кукол»). Тут ощутима та трагедийность и тот грех, за который актеров долгое время хоронили вне церковной ограды: проклятье профессионального лицедейства чреватого вечной игрой, несмываемой маской, то есть утратой подлинности.

¹⁷ Сенека: «Ты желаешь знать, что я думаю о свободных науках и искусствах. Ни одно из них я не уважаю, ни одно не считаю благом, если плод его – деньги. <...> Пролагается ли дорога к добродетели объяснением слогов?»

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

перспектива, социализация христианства, рождение светской интеллигенции в изначальном значении категории *intellegentia* и как синтеза образованности и нравственности.

Отсюда, однако, сложности в понимании воспевания гуманистом «сладо́сти бытия» (*dolzzade vivere*, созвучное со знаменитым *dolce vita*) – здесь можно увидеть те же отголоски, абберации, обертоны, что и в коллизиях Лангедока, Прованса, связанных с культурой миннэ (упомянув Вергилия, не забудем о Сорделе)¹⁸. В то же время сохраняется прежняя ориентация на внешнюю результативность интеллектуальной практики. Вектор мышления остается эксплицитным, его результат отчуждаем, и хотя он не вещь, но путем аппроксимации и утилизации становится таковой, попадая в итоге на рынок, хотя и специфический («купцы света»).

Одним из следствий чего стало повышение роли и статуса искусства уже в нынешнем понимании, то есть произошло его облагораживание¹⁹.

Возникают институты, связанные с происходящей трансформацией: на смену университету приходит академия. Ее особенность в том, что это не корпорация, а союз, собрание, общество – свободное объединение тех, «которые вынырнули». Ревизии подвергается сама суть свободных искусств – основанием квадривия видится теперь универсальная гармония как эстетика, а предметы тривия объединяются понятием филологии.

В социальном отношении гуманисты рассматривали себя как «педагоги граждан» в противоположность университету как корпорации преподавателей знаний для соискателей про-

---

¹⁸ ХАРАКТЕРЕН КОДЕКС ГУМАНИСТА В ИЗЛОЖЕНИИ ЛОРЕНЦО ВАЛЛЫ: ОБЩЕНИЕ С ПОДОВНЫМИ, ИЗБИЛИЕ КНИГ, КОМФОРТНОЕ МЕСТО, СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, ВНУТРЕННИЙ ПОКОЙ. ЧУВСТВУЕТСЯ СОЗВУЧИЕ С БОЛЕЕ ПОЗДНИМ И НЕ ВСЕГДА ПРАВИЛЬНО ТОЛКУЕМЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ: «ДЖЕНТЛЬМЕН НЕ РАБОТАЕТ». ИЛИ ТАКЖЕ ЗНАМЕНЫТЫМ: «DON'T WORRY, DON'T HARRY, DON'T CARRY». В ПОДОВНОМ КОНТЕКСТЕ ПО-ИНОМУ ВИДИТСЯ ГЕНЕТИКА МНОГИХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕЧЕНИЙ МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЯ, К ПРИМЕРУ, МЕНТАЛЬНОСТЬ, АКСИОЛОГИЯ И МИРОУСТРОИТЕЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ КАРЛА МАРКСА.

¹⁹ ИСКУССТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ – ЭТО НЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ АРТЕФАКТЫ (ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СТАТУСА КОТОРЫХ ПРОИСХОДИЛО В НЕСВОЙСТВЕННЫХ ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ КАТЕГОРИЯХ) И НЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ТЕХНЭ (ТО ЕСТЬ НЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК ПРОДУКТЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА), НО СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЗИЦИИ, ПОДЧАС МИРОВОЗЗРЕНИЯ, В СОЦИАЛЬНУЮ И ЧАСТНУЮ СРЕДЫ. В ТОМ ЧИСЛЕ – И С КАКОГО-ТО МОМЕНТА ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ – МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ОПОЗНАВАЕМОГО В КАТЕГОРИЯХ ЭСТЕТИКИ, В КАЧЕСТВЕ ЖИВОТВОРЯЩЕГО ЭЛИКСИРА ГАРМОНИИ, СРЕДСТВА ПОДДЕРЖАНИЯ ПОСТУПАТЕЛЬНОЙ ВИТАЛЬНОСТИ МОДЕРНИТИ. ДИНАМИКА ПРОЦЕССА И КОНКУРЕНЦИЯ ВЕРСИЙ ПОДТВЕРЖДАЛИСЬ И ОТРАЖАЛИСЬ В СРЕДИТЕЛЬНОЙ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ МЕРКАМ СМЕНЕ И РАЗНООБРАЗИИ СТИЛЕЙ. ДРУГИМИ СЛОВАМИ ИСКУССТВО ПРОЯВЛЯЕТ СЕБЯ КАК ПРОДУКТ И СПЕЦИФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ – ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК И ОДНОВРЕМЕННО ИНСТРУМЕНТ ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ, НЕВЕРБАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ ПРИНЦИПОВ – ДУХОВНЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ, КУЛЬТУРНЫХ КООРДИНАТ ОБЩЕСТВА. РЕВОЛЮЦИЯ В ИСКУССТВЕ – СИМПТОМ ТЕКТониКИ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТряСЕНИЙ И БОЛЕЕ ТОГО – ИХ ФЕРМЕНТ, ГЕНЕТИКА. ТАК СПЕЦИФИКА НЫНЕШНЕГО ТРАНЗИТА В ИСКУССТВЕ СОПРЯЖЕНА СО СВОЕОБРАЗНЫМ УДЕРЖАНИЕМ, ПОДОВНО МОДЕЛЯМ ОПЕРАЦИЙ С ПЛАЗМОЙ, И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ КАПИТАЛИЗАЦИЕЙ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИИ – ВИТАЛЬНОСТИ. ДРУГИМИ СЛОВАМИ С РАСПРОСТРАНЯЮЩИМСЯ ОСОЗНАНИЕМ, НО ОДНОВРЕМЕННО И ВУЛЬГАРНОЙ ПРАГМАТИЗАЦИЕЙ (ОПОШЛЕНИЕМ) ПОСТУЛАТА: ИСКУССТВО ЭТО НЕ ПРЕДМЕТ (И ТЕМ БОЛЕЕ НЕ ВЕЩЬ), А СОБЫТИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ (ВЛИЯНИЕ).

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

фессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов – определение социокультурного камертона и политического горизонта, что ярко проявилось в период Реформации. А также научной и экономической перспективы, ибо маршрут новоевропейской науки: вначале академия, затем университет.

Академии возникают уже в XV веке: первая, «платоновская» (неоплатоническая), – в Кареджи (Флоренция, 1462), созданная деньгами Козимо Медичи и трудами Марсилио Фичино, затем в Неаполе (Понтано), Риме (Лето). В XVI веке в той же Флоренции появляется «филологическая» Академия делла Круска (1583). В начале XVII века в Риме возникает знаменитая Академия «рысеглазых», деи Линчеи (1603), чье название само по себе составляет лексический и семантический клубок: здесь слышатся имя ясноглазого аргонанта Ликейя (Ликеевы глаза) и ассоциации с особой миссией Аристотеля (Ликей, Ликейон), а также ощущается традиционная острота взора и мягкая поступь рыси (Lynx). В Париже учреждается «Академия бессмертных» (1635), в Лондоне – «Королевское общество» (1662).

Каденция сюжета – встреча-диалог в том же Риме ровно 365 лет спустя после основания деи Линчеи и со столь же немногочисленным составом участников, но после более многолюдного собрания на релевантной сюжету вилле Фарнезина. Встреча, результатом которой стало основание Римского клуба – академии XX века, венцом же деятельности ее мыслился *Forum Humanum* (также непростое название, рождающее смысловые ассоциации²⁰).

РЕНЕССАНС И АПОКАТАСТАСИС

Тема, требующая отдельного разговора, – духовная, интеллектуальная, историческая альтернатива гуманизму, наметившаяся приблизительно в то же время в Византии. У данного сюжета несколько траекторий и регистров.

На поверхности – сопоставление возможностей и затруднений, связанных с различием катафатического и апофатического миропознания. И с прерыванием исихастской традиции как явления, могущего иметь не только духовные, но также интеллектуальные, социальные, политические следствия²¹. Богословское же измерение проблемы представлено знаменитыми

---

²⁰ НАПРИМЕР, ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОДВИЖЕНИЯ В СРЕДЕ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ БЛИЖЕ К СЕРЕДИНЕ XXI ВЕКА ОТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ/ТОРГОВЛИ/КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ЗНАНИЙ К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ/ТОРГОВЛЕ/КОНКУРЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ТАЛАНТОВ, ТО ЕСТЬ *forum humanum* – РЫНОК ЛЮДЕЙ (ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ).

²¹ См.: Неклесса Александр. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности // Русская идентичность. Дорога жизни. М., 2012. С. 41–97.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

диспутами Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Сегодня в подвижной, приближающейся к турбулентности вселенной у этого давнего спора проявляются пульсирующие, едва ли не кровотоочивые измерения, затрагивающие судьбу цивилизации.

Кризис мировидения, сомнения относительно доброкачественности обретаемого цивилизацией имущества, достоверности карт будущего, оценки самой сути знания, его стратификации, целей и форм образования возвращают к скрытой под покровом и суетой времени развилке истории.

В чем естество истинного знания, гарантия подлинности его начал? Что мы познаем и что развиваем? Посредством чего обретается полнота бытия? И ради чего? Является ли знание целью и ценностью, за которой стоит отправляться в путь длиною в жизнь, а жизнь преобразовывать в историю? Универсальна ли его природа, а владение – надежно ли? Насколько можно полагаться на полученное таким образом преимущество? Или же накопление постижений, закономерностей, аргументов, инструментов содержит вероятность неожиданной их девальвации, порчи, утраты, превращения сокровищницы в умопомрачительную грудку черепков? Либо даже, подобно вышедшему из-под контроля зверю, таит угрозу однажды обратиться против хозяина и погубить, разорвать его?

Но быть может, знание синергично: своего рода заем, выданный под добросовестный проект, однако с возможностью отзывать капитала из-за просроченных долгов? Иначе говоря, его субстанция обладает комплексной природой, а процесс познания – это персональная история соития с подлинностью. Причем статус прозрений в значительной – едва ли не определяющей – мере зависит от состояния субъекта и взыскиваемой цели: постижение есть узнавание, как для нищенствующих – собирание и накопление.

В XIV веке проявились минимум две выразительные и обоснованные позиции, связанные с пониманием природы интеллигенции, способов ее обретения и трансляции.

Первая, если максимально кратко прописать логику рассуждения, определяла знание как своего рода эликсир, обретаемый человеком посредством уникального качества, отличающего его от иных земных существ, – разума, то есть как безличную субстанцию, накапливаемую, сублимируемую, производящую трансмутацию личности. И посредством заключенной в «умном знании» энергии (силы) предоставляя также возможность изменять окружающую среду.

Особенность другой позиции – в понимании знания как следствия резонанса двух природ, энергичное соучастие которых в человеке позволяет опознавать подлинную суть явления, истинное состояние объекта, ситуации. Наличие и пролонгация (удержание) подобного статуса требуют не столько усилий ума либо памяти, сколько достижения подвижническим усилием состояния (объема бытия), позволяющего натуре познающего (сердцу, ибо «сердце наше есть сокровище мысли») обрести когерентность с иным – могучим – естеством.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Таким образом, не накопление знаний трансформирует субъекта, но усилия по аутотрансформации, энергетика взаимодействия дают надежду на обретение способности (дара, а не собственности) постижения сути вещей и явлений, то есть контакт с подлинностью. Ключевой момент – отклик, вступление в личностный диалог. Новое знание приходит не из изучения прежнего, являющегося организующей дисциплиной ума. Главный источник – постижение новизны как иного порядка, наступающее в озарении – в объятиях души и духа истины.

Путь познания не исключает сбоев, затемнений («ночь души»), не ограждает от возможности искажений в процессе удержания, освоения, трансляции. Даже отчетливо познанные закономерности не являются гарантированно неизменными, без потери качества отчуждаемыми от познающего. Живое знание порой настолько точно, чтобы не сказать – персонально, что внешне изменчиво, ибо подвижно, будучи в прямой связи с переменами актуального состояния познаваемого/познающего, являясь эссенцией конкретного (виртуального) статуса феномена.

И хотя знание – это состояние, а не наличность, тем не менее в сложном сочетании абсолютного и конъюнктурного слепки-реплики опознанных маршрутов на специфической дорожной карте, верифицированные опытом, экспериментом, обретают автономное существование. Эксплицируя постигнутые закономерности, они в большинстве случаев применимы – путем распространения соответствующих прописей – и в иных, схожих, ситуациях. Однако все же с важной оговоркой об их относительности – то есть отсутствию гарантий неизменности в изменившейся (по каким-то многообразным параметрам) ситуации. Знание обретается ради истины, а не вместо нее. Другими словами познанные и декларируемые законы хотя и отражают конституцию природы, все же не являются абсолютом и могут меняться или оказываются значительно более сложными, нежели представлялось.

Но главное, пожалуй, иное. Трансмутация, то есть обретение и удержание личностью особого статуса, имеет целью не операции со знанием как таковые: акт познания истины дает шанс со-присутствия в оной (сейчас сказали бы «преодолевая асимптотический предел»), что изменяет познающего и делает его свободным. Суть процесса не обретение знания для прикладной задачи – перемены условий жизни, а прямой путь к энергичному со-бытию: перманентной встрече, которая есть цель и смысл человеческой жизни.

Принципы, заложенные в основания альтернативных позиций относительно природы знания, предопределили существенные различия в практике миростроительства.

Признание обезличенной («цифровой») природы накопления знаний стало источником изощренной механики, обретением и совершенствованием протезов, замещающих человеческие немощи, – субститутутом послушных «электрических» духов, исполняющих желания. Синергичное же понимание исти-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ны предполагало заметно более сложную социальную, политическую, цивилизационную траекторию. В этом случае условием достижения истины являлось наличие и качество актуальных взаимоотношений, что делало сомнительным удержание когнитивной сокровищницы в единожды и навечно обретенной универсальной полноте.

Характер отношений с истиной предопределяет различие траекторий познания и в иных регистрах. Это либо преследование перманентно испытываемой, взвешиваемой на весах души полноты ради получения ответа: со-весть, что включает личную ответственность за качество и последствия низведенных в мир, переданных знаний и умений. Либо динамичная экспансия, обезличенное суммирование и освоение найденного, допускающее нарастание дисгармоник не только относительно знания *per se*, но также нравственного качества («категорического императива») практических приложений. Высокая эффективность подобного подхода одновременно таит риски отложенных неурядиц. Из чего вытекают многообразные различия в логике технического и технологического развития, экономического действия, геометрии политического строя, архитектуры социального строительства.

Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, в свою очередь предопределяет направление исхода из развилки-ловушек истории, регламент познания-действия, содержание культурной, социальной, политической стратегии. И в конце концов – генеральную композицию будущего: апофеоз той предельной ситуации, к которой, судя по всему, движется человечество.

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

*Ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения
реальных возможностей.*

Роберт Музиль

Мы живем в мире, субъективная неопределенность которого заметно возрастает. Кроме того, в течение XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше акций мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности: снижение надежности техносферы. Закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических, социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокраще-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ния времени на их осмысление, реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед лицом, принимающим решения, дьявольские альтернативы.

Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. При усложнении контроля над ситуацией повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать душевное равновесие, активный интеллектуальный, творческий статус.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Homo sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в затворе механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – обобщение, нисходящее на практике до стандарта²².

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

---

²² Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как результата богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула гуманитарное знание, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения человека, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но объективной объектности (*de jure*), представляя, однако же, на деле (*de facto*) сумму субъектностей, прошедших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимировать ситуацию, представив факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способном помимо возможностей аналогового и аналитического мышления использовать потенциал внекатегориального познания.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем на его основе делать выводы, ведущие к кардинальному изменению процесса принятия и реализации решений. И все-таки в мире нарастающей мощи машин силы физического человека кажутся пошатнувшимися, возможности – ограниченными. Обстоятельства же все чаще требуют наличия либо выявляют отсутствие уникальных ресурсов, особых человеческих качеств, указывая одновременно на альтернативы, в частности, на ту или иную форму протезирования недостающих свойств: киборгизацию, искусственный интеллект или эффективную методологию действий в условиях неопределенности.

Со времени мировых войн методология познания/действия и культура управления объектами, субъектами, ситуациями, событиями претерпела ряд внутривидовых революций, произведя на свет такие регламенты, как исследование операций, системный анализ, системная динамика, теория высокоадаптивных самоорганизующихся систем, эффективно действующих в среде комплексных, критических ситуаций. Но сейчас, по-видимому, мы находимся на пороге еще более значимого транзита в данной области.

В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько состояние настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам процесс как практика перемен и возможный статус бытия.

Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск инструментария, соответствующего конституции сложных и сверхсложных организованностей. Развиваются технологии матричного, рефлексивного, точечного, семантического (рефлекторного), внешнего управления. Исследуются возможности использования критических зон, облачных структур, терминалов, хабов, аттракторов, идеалов *etc.* Все это ведет, в частности, к переоценке антропологического фактора. Человек перестает быть лишь операциональным элементом системы – объектом, функцией, агентом, его сознание, отношения с природой и обществом претерпевают серьезную перестройку.

Кроме того, с расширением спектра значимых взаимосвязей открываются новые обстоятельства. Очередным рубежом стало понимание и освоение методов синергического управления в присутствии неклассического оператора.

Выясняется, к примеру, что, как и в природных процессах, присутствие индивида в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Сама субстанция бытия, ее состояния оказываются связанными с субъектом теснее, нежели представлялось. Избранный идеал, смысловой регистр универсальным образом настраивает события, и, что важнее,

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

определяет стратегический горизонт, а также создает режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или же напротив – провоцирует жесткое противодействие среды.

Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения технических условий, психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическую, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими уровнями сложности, постигая и формулируя, в частности, статус постсекюлярности, мы ощущаем соприсутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже от метафизических обстоятельств.

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ КРИТИЧНОСТЬ

Кризис отношений с возрастающей комплексностью и критическим статусом технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, высокая степень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Существующий категориальный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться, метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия.

Особенно впечатляют изъяны, вызовы, перспективы в сфере социальных и гуманитарных дисциплин, включая военные, происходящее переосмысление правовых, финансовых, информационных, математических теорий и практик, транзит от логики последовательного выстраивания процесса, смена дисциплинарного и индуктивного направления рассуждения («снизу вверх») на матричный гештальт, низводимый и актуализируемый в нужный момент в нужном месте.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о развивающемся состязании в преадаптации – параметрах социокультурной и методологической революции, об изменениях в языке и семантике, о генезисе иной рациональности, возможно, фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И не в последнюю очередь – об осмыслении самого модуса апофатического мировосприятия, а также о рецептах и сценариях постижения непостижимого, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии в среде исихастов. В том числе о переносе акцента на внекатегориальное опознание/осознание инакостей, когда знание о неизвестном оказывается не фокусировкой обретенной в разное время суммы аргументов, но узнаванием и познанием: иначе говоря, событием встречи и обладания, то есть фактом. Мы избородили пространства ума, но не сердца.

Наконец, не исключено, что именно апофатическое мировидение и синергийный тип мышления/сознания, способный познавать неординарные идентичности, судить алогичные перипетии и выносить относительно них верные вердикты, не зная всех обстоятельств, вынужденных оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для витка цивилизационной динамики.

Культура невербального постижения предполагает мгновенную ориентацию в распределенных множествах, облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по осознанию и удержанию неопределенной комплексности не только в ее существенных чертах, но в целостности и полноте. Другими словами в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический модус и опыт взаимодействия с формально неотрефлексированными, неопознанными, телеологическими и теологическими измерениями бытия...

Возникающие в связи с этим предположения, пожалуй, можно кратко изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия критически сложных решений верно избирает и успешно преследует цели, если пребывает в непрерывном процессе трансценденции и саморазвития. Или на языке иной системы мировоззренческих координат – если он постоянно беседует с Богом.

«СИНЛА» – приложение к журналу
«ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная
Россия» Выпуск № 1 (18). 2013.
Январь–март. Авторская серия
Александра Неклессы SYNLA/
INTELROS № 1 (18). 2013.
1st Quarter. (Доклады клуба
«Красная площадь». 2013. № 1)

Свидетельство о регистрации
в Федеральной службе
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране
культурного наследия ПИ
№ 77-18303 от 14 сентября 2004 г.

Издается в рамках программы
«ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная
Россия» на основе рабочих
материалов Комиссии
по социальным и культурным
проблемам глобализации /
Научный совет РАН «История
мировой культуры»
(постановление Президиума РАН
№ 285 от 8 октября 2002 г.).
Сайт проекта: www.intelros.ru

Главный редактор: Дмитрий Андреев
Макет и верстка: Лада Чуплыгина

В оформлении использованы
литография Маурица Корнелиуса
Эшера «Относительность» (обложка)
и гравюра Сэнгай Гибона
«Медитирующая лягушка».

Формат 60/90/8
Печать офсетная
Бумага офсетная
Отпечатано APC Publishing

Тираж 500 экземпляров

